

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

DOI: 10.15372/HSS20200406
УДК 94(571):910.4+336.2(091)

А.Х. ЭЛЕРТ

ЯСАЧНЫЕ ОКЛАДЫ В СИБИРИ ВО ВТОРОЙ ЧЕТВЕРТИ XVIII в.: РЕГИОНАЛЬНЫЕ И ЭТНИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ (ПО МАТЕРИАЛАМ ВТОРОЙ КАМЧАТСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ)

Институт истории СО РАН,
РФ, 630 090, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8

На протяжении XVII – первой половины XVIII в. ясачные оклады для коренных народов Сибири практически повсеместно определялись в соболях. В статье на материалах Второй Камчатской экспедиции (анкетные данные, полевой дневник и описания сибирских уездов Г.Ф. Миллера, труды С.П. Крашенинникова и Г.В. Стеллера) анализируются размеры этих окладов и их изменения применительно к ясачным – представителям различной этнической принадлежности в отдельных уездах, волостях и улусах. Установлено, что уже ко второй четверти XVIII в. во многих уездах платежи соболями из-за их истребления составляли уже незначительную часть собранного ясака и вместо них власти вынуждены были принимать менее ценную пушнину, домашний скот и другие товары, стоимость которых определялась в соболях, а также деньги. Причем в разных уездах эта стоимость значительно различалась.

Ключевые слова: Вторая Камчатская экспедиция, ясак в Сибири второй четверти XVIII в., соболиный оклад, региональные и этнические различия.

A.CH. ELERT

YASAK TRIBUTE IN SIBERIA IN THE SECOND QUARTER OF THE 18TH CENTURY: REGIONAL AND ETHNIC CHARACTERISTICS (BASED ON THE MATERIALS OF THE SECOND KAMCHATKA EXPEDITION)

Institute of History SB RAS,
8, Nikolaev Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation

Indigenous peoples of Siberia subjugated by the Russian state were obliged to pay a tribute numbered in the sable pelts almost universally in the XVII - first half of the XVIII century. But at the early XVII century the sable population decreased crucially due to hunting, therefore the authorities were forced to accept as payment both less valuable furs and other goods. The article analyzes the amount of yasak payments and their characteristics depending on the ethnicity of the yasak people (those who pay tribute) in different administrative subdivisions (uyezd, volost, ulus) based on materials of the Second Kamchatka expedition of 1733–1743 (registries of local administration offices compiled according to G. Müller's questionnaires, his travelogue and descriptions of Siberian lands, monographs by S. P. Krasheninnikov and G. V. Steller). The author argues that the number, as well as the hierarchy of prices for sables and other furs, were not regulated by the central government, and were determined by the local authorities at their discretion. The highest payments were set for the poorest and most defenseless peoples (Khanty, Selkups, Kets, etc.). The peoples whose representatives had been serving the Russian state like the Cossacks, as well as the peoples who lived near the southern borders in

Александр Христианович Элерт – д-р ист. наук, главный научный сотрудник, Институт истории СО РАН, e-mail: alexandreler@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1908-8239>

Alexandr Kh. Elert – Doctor of Historical Sciences, Chief Researcher, Institute of History SB RAS

Transbaikalia (Buryats, Tungus) paid less. The distinctions in the cost of fur of different types in various administrative subdivisions, or depending on particular ethnic groups or even clans, were rather significant. This study confirms that sable and other furs became a minor part of the collected yasak tribute due to the fur animals' extermination in the second quarter of the XVIII century in many areas. Instead of this, the authorities were forced to accept money in ever growing amounts. Moreover, in the westernmost territories, the local authorities completely replaced sable pelts with cash. The materials of the Second Kamchatka expedition allow the author to state that corrupt practices while collecting yasak were widespread in areas located far away from the provincial centers.

Key words: Second Kamchatka expedition, yasak tribute in Siberia, second quarter of the XVIII century, number of sable pelts, regional and ethnic characteristics

ВВЕДЕНИЕ

Ясачной политике государства в Сибири посвящено большое количество специальных исследований, эта проблема затрагивается в ряде монографий и статей по истории коренных народов данного региона, проблемам их вхождения в состав России, взаимоотношениям с русскими властями, родовому и племенному составу, расселению, традиционной культуре. Наиболее значимые в этом отношении труды раскрывают особенности ясачного обложения коренного населения Сибири в XVII в. (работы С.В. Бахрушина, Б.О. Долгих и др.). Ясачная политика в XVIII – XIX вв. также освещается в большом количестве исследований, однако в большинстве своем они посвящены практическому воплощению этой политики в том или ином сибирском регионе (работы Н.А. Миненко, Е.М. Залкинда и др.); труды Л.М. Дамешека представляются в этом отношении одним из немногих исключений. В изучении ясачной политики одним из важнейших является вопрос о тяжести ясака, изменениях в размерах ясачных окладов, их реальном материальном воплощении, региональных и этнических особенностях. Для раскрытия данных сюжетов уникальные возможности предоставляют материалы Второй Камчатской экспедиции 1733–1743 гг., поскольку они содержат однотипные сопоставимые сведения об особенностях взимания ясака и его размерах во всех сибирских уездах и для всех этнических групп аборигенов за короткий временной отрезок.

Укажем наиболее важные для темы статьи источники. 1). Ведомости всех уездных и провинциальных канцелярий, составленные по анкетам Г.Ф. Миллера и представляющие собой 7 громадных томов¹. Один из пунктов этих анкет касался этнического состава коренного населения, его численности, расселения и ясачных платежей. Приведем в качестве примера соответствующий фрагмент анкеты, отправленной Миллером в Мангазейскую (Туруханскую) воеводскую канцелярию: «Какие иноземческие ясашные волости к городу Туруханску и Туруханского уезду к острогам и зимовьям принадлежат, и каких языков и в какие они роды разделены, и при каких урочищах каждой род, а особливо начальные их люди где наиболее кочуют, и сколько в котором роде ясашных людей, и по сколько с каждой волости или роду погодно собираетца ясаку, и чем они ясак платят, при-

том чтоб о последнем полном ясашном зборе приобщена была особливая ведомость с оценкою, и есть ли где иноземцы, которые поныне в ясак не приведены, и сколь они людны, и какие в смирении оных найдется трудности» [1, с. 164]. В составленной по этой анкете ведомости ответы на данный пункт занимают 26 страниц, причем даны подробные сведения о ясачных сборах за три года – 1736, 1737 и 1738². 2). Полевой дневник Г.Ф. Миллера на немецком языке в 5 рукописных томах³. 3). Описания Кузнецкого, Томского, Енисейского, Мангазейского, Красноярского и Нерчинского уездов, составленные Г.Ф. Миллером во время экспедиции; опубликованы нами в переводе на русский язык [1, с. 172–209; 2, с. 17–74]. 4). Монографические труды Г.Ф. Миллера, С.П. Крашенинникова и Г.В. Стеллера [3; 4; 5].

СОБОЛИНЫЕ ЯСАЧНЫЕ ОКЛАДЫ, ИХ РАЗМЕРЫ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ ВАРИАНТЫ ЭКВИВАЛЕНТОВ

Вопрос о том, насколько обременительными для коренных жителей Сибири были ясачные платежи, до сих пор является дискуссионным. Оценки обычно делаются применительно ко всей Сибири, хотя на самом деле практически в каждом уезде существовали свои нормы окладов и правила взимания ясака, которые нередко разительно отличались друг от друга. Мало того, в пределах одного и того же уезда ясачные оклады у разных этнических групп и родов могли различаться в разы в зависимости от возможностей плательщиков, особенностей подчинения отдельных народов русской власти, а также исходя из конкретной политической ситуации. Каких-либо жестких правил ясачного обложения, устанавливаемых центральными властями, до середины XVIII в. не существовало, и можно согласиться с Л.М. Дамешком в том, что «на протяжении XVII – первой половины XVIII в. сбор подати с “ясачных иноземцев” никак не регламентировался и фактически был пущен на произвол местных властей» [6, с. 28].

Естественно было бы ожидать, что льготы при установлении ясачных окладов будут распространяться на те народы и роды, которые добровольно или без сопротивления покорились русской власти, а также на тех, кто был беден. Такие примеры действительно можно найти. В Томском уезде от ясачного плате-

² Там же. Ч. 5. Л. 131 об.–144.

¹ Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 199. Портф. 481. Ч. 1–7.

³ Там же. Портф. 507. Ч. 2; Портф. 521. Ч. 1–2; Портф. 522. Ч. 1–2.

жа были освобождены все чаты, зуштинцы и телеуты, которых в 1734 г. насчитывалось 410 чел., «способных к конной службе», из них только 73 действительно находились на службе [1, с. 80]. В Кузнецком уезде такое же положение занимали абинцы: «Их численность не превышает 30 семей, из которых 20 человек состоят на службе подобно русским казакам. А остальные вместо ежегодного ясака лишь иногда дают подводы, что отличает их от остальных татар с начала завоевания этих мест, поскольку они были первыми, кто добровольно подчинился русской власти» [2, с. 27–28]. В XVII в. в Якутском уезде размер ясака определялся преимущественно с учетом материальных возможностей: князцы и другие состоятельные якуты платили ясак в размере более 10 соболей; ясачные среднего достатка – от 5 до 10 соболей; беднейшие – по 5 соболей [7, с. 159]. И все же это были редкие исключения. Наиболее высокие оклады установили в начале XVII в. для беднейшего ясачного населения – «остяков» (селькупов, хантов и кетов) Томского, Сургутского, Енисейского и Мангазейского уездов – по 10–12 соболей, к которым добавлялось по одному «поминочному» соболю.

Впрочем, мы не всегда можем быть уверены в том, что плательщиками ясака являлись все мужчины, которые могли заниматься промыслом. В XVII в. и даже в первой четверти XVIII в. нередко в оклад были положены только главы семей, зачастую весьма многочисленных, или даже только главы родов. Так, в 1718 г. у чулымских татар насчитывалось лишь 40 плательщиков ясака при мужском населении примерно в 500 чел. [8, с. 99]. После того как в число плательщиков включали всех взрослых мужчин, оклады, как правило, снижались. В 1653 г. к 14 ясачным зимовьям по Яне, Индигирке, Алазее, Колыме и Анадырю было приписано 215 ясачных, суммарный оклад с которых равнялся 2119 соболям. В 1700 г. плательщиков было уже 824, а оклад с них изменился незначительно (2310 соболей) [9, с. 380–381].

В научной литературе распространено мнение о том, что в XVII – первой половине XVIII в. ясачные платежи в Сибири осуществлялись почти исключительно в натуральной форме пушниной, преимущественно соболями, и ситуация кардинально изменилась лишь с 1763 г. после разрешения правительства Екатерины II принимать ясачную подать не только мехами, но и деньгами. Действительно, до середины XVIII в. ясачные оклады почти повсеместно определялись в соболях, однако ко второй четверти этого века соболь при уплате ясака в большинстве уездов был в определенной степени условной единицей, выполнявший ту же функцию, что и рубль. Трудности, с которыми сталкивается исследователь при определении реальных размеров ясачного платежа в том или ином регионе Сибири, часто связаны с неопределенностью соотношений соболь – рубль, соболь – лисица, соболь – белка и т.д., поскольку в разных уездах и даже волостях одного уезда эти соотношения могли существенно различаться.

Согласно ведомостям уездных канцелярий, эквивалент стоимости 1 соболя в белках равнялся в разных волостях Томского уезда 25, 30 и 40 шт., в Кузнецком уезде – 40, в Верхотурском, Тарском и Иркутском – 50, в Красноярском – 100 (буряты) и 50 (остальные ясачные), в Мангазейском и Енисейском – 100. 1 соболь в разных уездах по стоимости приравнялся к 5, 8, 10, 20 горностаем. Оценка стоимости бобров также сильно варьировала. Обычно одного бобра приравнивали к соболю, однако в некоторых случаях оценка производилась с учетом качества бобровых шкур: в Верхотурском уезде соболь оценивался в 50 коп., а бобр – в диапазоне от 65 до 95 коп. В Красноярском уезде бобр карий приравнялся к 2–3–4 соболям, рыжий – к 2–3 соболям, бобр-ярец (возрастом от года) – к 1–2 соболям, бобр-кошлок (бобренок, не достигший года) и бобровая череvezь (мех с брюшка) – к 1 соболю. Стоимость лисицы также обычно приравнивалась к 1 соболю, но в некоторых уездах существовали свои оценки в зависимости от качества меха: в Тарском уезде – от 50 коп. до 2 руб., в Красноярском уезде к 1 соболю приравнивались даже недолисы, белодушки оценивались в 1–2 соболя, а сиводушки в 2–4 соболя.

Оценки шкур крупных животных различались: стоимость шкуры рыси, россомахи, волка, медведя, благородного оленя (марала, изюбра) и лося повсеместно приравнивалась к 1 соболю (исключение составлял Енисейский уезд, где шкура лося приравнивалась к двум соболям). Лишь в Мангазейском и Березовском уездах в уплату принимали шкуры песцов, причем в Мангазейском уезде к 1 соболю приравнивались 10 песцов независимо от их качества, а в Березовском к стоимости соболя приравнивались 3 белых песца или 1 голубой. Енисейский уезд имел ту особенность, что здесь не принимали в уплату горностаев, но принимали зайцев, 100 шкурок которых (как и белки) приравнивались к 1 соболю.

Стоимость одних и тех же мехов одинакового качества могла устанавливаться различной даже в пределах уезда. Так, в Томском уезде ясачные волости чулымских татар были разделены на три категории: повсеместно соболь оценивался в 50 коп., но в одних волостях за соболя платили по 40 белок или 8 горностаев, в других – 30 белок или 6 горностаев, в третьих – 25 белок или 5 горностаев. По свидетельству Миллера, «данное различие употребительно со времени завоевания этих мест» [10, с. 83].

Уже в первой половине XVII в. во многих западносибирских уездах соболь был почти полностью истреблен, и ясачные были вынуждены уходить на его промысел в другие уезды. К примеру, остяки Кетского уезда в 1620–1630-е гг. отправлялись на охоту в Енисейский и Нарымский уезды, что вызывало конфликты с местными ясачными [8, с. 151]. В первой половине XVIII в. резко уменьшилось количество соболей в Восточной Сибири и на Северо-Востоке. Так, многие тунгусы центральных улусов Якутии для промысла соболей были вынуждены совершать длительные пу-

тешества вплоть до бассейна Амура, в частности, на Зейские «покати» (притоки) и в горы Джакду, которые разделяли русские и китайские владения⁴. К концу первой половины XVII в. власти осознали невозможность взимать полные ясачные оклады во многих уездах и отдельных волостях не только соболями, но и вообще только пушниной. Перечень пушнины и других товаров, принимаемых в уплату ясака, очень велик: лисицы, бобры, горностаи, куницы, белки, шкуры выдр, росомов, рысей, волков, медведей, лосей, оленей; одежда и обувь (шубы, треухи и др.); лошади, крупный рогатый скот и верблюды в живом виде; моржовые клыки, серебро, куски камки и китайки⁵, поступавшие из Китая, подбитые камусом лыжи, а также другие товары.

На первый взгляд, необычным кажется прием в уплату ясака луков – казалось бы, архаичного оружия для русских в то время. Однако этому есть объяснение: в XVII в. и даже в начале XVIII в. многие служилые не имели огнестрельного оружия, и им приходилось вооружаться копьями, саблями и луками. В некоторых документах можно встретить жалобы служилых на нехватку луков, которые в определенных ситуациях (дождливая погода, когда порох отсыревал; внезапная атака противника, когда не было времени для того, чтобы зарядить ружья) оказывались очень эффективным оружием. Так, П. Чириков, отряд которого во время похода в 1708 г. на Камчатку подвергся нападению коряков, написал в своей отписке в Якутск: «К такому воинскому делу надобно искусных и одесных куяшников, а без куяков⁶ и без лушников в здешней стране одним огненным боем с ними, корякими, управиться трудно...» [11, с. 247–248]. Хорошие сложносоставные дальноточные луки оценивались очень дорого. В XVII – начале XVIII в. особенно ценились селькупские, тунгусские луки и луки монгольского образца с костяными или роговыми накладками. В Кузнецком уезде в XVII в. у «киргизских и самайских» ясачных при уплате ясака 1 лук по стоимости приравнивался к 5 соболям [9, с. 107].

В том же Кузнецком уезде до второй четверти XVIII в. ясачные большинства волостей и улусов, расположенных по рекам Кондома и Мраса, ясака платили железом, выплавленным в маленьких ручных печах. В «Описании Кузнецкого уезда...» Г.Ф. Миллер сообщает: «В Бешбоковой и Елейской волостях по Мрасе имеются различные улусы, которые почти исключительно от этого имеют себе пропитание, а по Кондоме все волости, исключая последнюю Карачерскую, занимаются этим ремеслом. Они издавна, с первого завоевания этих мест, уплачивали свой ясака выплавленным ими железом, что, однако, позднее переменялось, когда русские в Сибири сами начали использовать железную руду» [2, с. 31]. Во второй четверти XVIII в. вы-

плавка железа сохранилась, но для уплаты ясака крицы выменивались на пушнину⁷.

Выплавкой железа в XVII – XVIII вв. активно занимались и якуты, однако в источниках отсутствуют сведения о том, что уплата ими ясака железом была здесь широко распространена. Объясняется это тем, что среди якутов было немало искусных кузнецов, которые снабжали своими изделиями (охотничье и боевое оружие, предметы домашнего обихода) не только русских, но и многие народы Северо-Востока Сибири, что для якутов было гораздо более выгодным, нежели уплата ясака данными товарами. Миллер, к примеру, сообщает: «Юкагиры покупают у русских табак, большие кораллы⁸, ножи, топоры, пальмы⁹, котлы, огнива. Все это – якутской работы»¹⁰.

В Мангазейском уезде особое положение занимали тавги (тавгийские самоеды – предки современных нганасан), которые в XVII в. платили ясака песцами, а в первой половине XVIII в. – только ровдугами (очищенными от шерсти и подкожной клетчатки и выделанными на замшу оленьими шкурами). Объясняется это, видимо, не столько тем, что в местах кочевий тавгов пушных зверей было мало, сколько большим спросом на «авамские» (по названию ясачного зимовья) ровдуги, считавшиеся лучшими в Сибири [9, с. 181; 3, с. 290].

Во второй четверти XVIII в. прием ясака только пушниной сохранился лишь в северных уездах, на средней Оби и на северо-востоке Сибири, причем лишь в Якутском уезде (включая Камчатку) доля соболей в ясачных сборах была весьма существенной. По данным Н.Ф. Емельянова, ясака, собранный в Томском уезде в 1734 г., состоял из следующих мехов и шкур: лисицы чернотелые – 9, лисицы чернотелые – 8, лисицы бурые – 3, лисицы крестовки – 2, лисицы сиводушки – 6, лисицы белодушки – 613, корсаки (степные лисицы) – 303, бобры чернокарие – 5, бобры рыжие – 5, лосиные шкуры – 176, росомовы – 7, волки – 16, рыси – 10, белки – 16 441, горностаи – 29 733. Соболей и недособолей было собрано всего 10, причем к этому времени томским ясачным было разрешено уплачивать ясака соболями без пупков (брюшек) и хвостов. [8, с. 154]. Большое количество принятых в уплату лосиных шкур (а их доля в ясаке в последующие десятилетия повышалась) объясняется их достаточно высокой оценкой, поскольку эти шкуры были очень востребованы, в том числе для изготовления армейской амуниции,

Постепенный переход на уплату ясака деньгами наиболее быстрыми темпами происходил в самых западных уездах Сибири, в которых местные власти первыми в 1730-х гг. решились на замену соболинных окладов денежными (Верхотурский, Тобольский, Тарский

⁴ РГАДА. Ф. 199. Портф. 507. Ч. 2. Л. 79–79 об.

⁵ Камка – шелковая ткань с разводами восточного происхождения; китайка – дешевая хлопчатобумажная набивная ткань различной расцветки.

⁶ Куяк – пластинчато-нашивной доспех из железных или костяных пластин.

⁷ РГАДА. Ф. 199. Портф. 521. Ч. 1. Л. 109–110.

⁸ Кораллы (корольки) – бусины из стекляруса или кораллов.

⁹ Пальма (откас) – массивный широкий и длинный нож с односторонним лезвием, насаженным на длинное древко; служил как колющее и рубящее охотничье и боевое оружие.

¹⁰ РГАДА. Ф. 199. Портф. 509. Д. 3. Л. 71.

уезды), причем оклады эти были весьма умеренными – от 50 коп. до 3 руб., в среднем – около 1,5 руб. Во многих других уездах Западной и Восточной Сибири соболиные оклады сохранялись, однако в общих ясачных сборах уплата деньгами стала преобладающей.

В ведомостях Селенгинской и Нерчинской канцелярий, составленных в 1735 г., приводятся данные о сборе ясака в 1734 г. В Нерчинском уезде было 3 599 ясачных, собранный с них ясак состоял из 78 соболей, 207 рысей, 1141 лисиц, 68 росомов, 15 294 белок и 8 384 руб. 34 коп.¹¹ При этом в ведомости Нерчинской канцелярии утверждается, что представители почти всех ясачных родов, особенно тунгусских, ежегодно отправляются «для промыслу ясака» в отдаленные местности – в верховья рек Нерча, Куенга, Олекма, Тугир, Онон, Газимур, Чикой, Ингода, Уров, Борзя, Витим и др.¹² Если это утверждение соответствовало действительности, напрашивается вывод о том, что добытые меха ясачные предпочитали большей частью не сдавать в казну, а продавать частным торговцам и уплачивать ясак деньгами. Миллер, проанализировав данные о ясачных соболиных окладах и реальном сборе ясака в Нерчинском уезде, пришел к мнению: «Если все это подсчитать, чтобы узнать сумму годового нерчинского ясака, то она могла бы составить 7 521 (или 187 сороков и 32) соболей, которые должны были бы поступать ежегодно из Нерчинского уезда. Только золотые времена прежнего богатого соболиного промысла в Сибири прошли, и теперь нужно быть довольным, принимая от этих народов в качестве ясака вместо соболей всяческие меха: рысей, лисиц, белок» [1, с. 208–209]. В Селенгинском уезде насчитывалось 2 240 ясачных, с которых было собрано 3 064 руб. деньгами, 7 лисиц, 4 росомы, 3 волка (и ни одного соболя!)¹³. Таким образом, в составе ясачного сбора деньги составили около 99,5 %.

От промысла пушных зверей для уплаты ясака начали отказываться ясачные и ряда других уездов. Это коснулось даже Якутского уезда, который в прежние времена славился соболиным промыслом и в котором власти по-прежнему заставляли платить ясак мехами. Свидетельства этому можно найти в полевом дневнике Миллера: «Якуты Борогонского улуса между Леной и Алданом в Култоке и в районе озера Муру кормятся большей частью сдачей внаем лошадей между Якутском и Верхоянском приказчикам и служилым, имеют также хорошее скотоводство. Но на промысел они не ходят, а соболей и лисиц, которыми они уплачивают ясак, приобретают за найм своих лошадей»; «Намский улус... Имеют мало скота и не ходят на соболиный промысел. Кормятся большей частью рыбной ловлей и работают, и приобретают этим свой ясак»; «сын боярский Федор Галкин был прикащиком Средневилюйского зимовья: ни тамошние тунгусы, ни якуты не ходят на соболиный

промысел – покупают соболей в Якутске у русских или у других тунгусов и якутов»¹⁴.

Во второй четверти XVIII в. в Нерчинском и Селенгинском уездах практически прекратились поступления в казну верблюдов, поскольку их рыночная стоимость резко возросла в связи с развитием караванной торговли после заключения Буринского (1727 г.) и Кяхтинского (1728 г.) договоров между Россией и Китаем. «Их очень выгодно продавать за границу монголам или китайцам, которые платят за верблюда от 60 до 70 рублей» (3, с. 131). Впрочем, во второй четверти XVIII в. в Забайкалье почти прекратилась и практика приема ясака лошадьми и крупным рогатым скотом, которые в начале века оценивались в среднем по 2,5 соболя за голову [9, с. 333]. Вероятно, это связано с трудностями реализации на рынке указанных домашних животных в данном регионе

В редких случаях уездные власти могли дать разрешение на уплату ясака не пушниной или деньгами, а товарами, которые продавались из казны на рынке. Примером могут служить тунгусы, приписанные к Киренскому острогу Илимского уезда: на рубеже XVII и XVIII вв. они смогли добиться разрешения уплачивать ясак рыбой, поскольку на их территориях пушные звери были почти полностью истреблены. 5 пуд. стерлядей или тайменей приравнивались к 1 соболю; эта рыба, принятая в уплату ясака, продавалась затем по цене 25 коп. за пуд стерляди и по 21 коп. за пуд тайменей¹⁵.

Существенные различия в размерах окладов нередко приводили к бегству ясачных в другие уезды, в частности, в Мангазейский. Побег в Мангазейский уезд происходили еще в XVII в., как правило, из «остяцких» (селькупских и хантыйских) волостей в бассейне Оби. Например, в 1696 г. в этот уезд бежало 6 сургутских остяков, которым разрешили остаться и установили оклады, меньшие (по 3 соболя), чем у большинства остяков этого уезда; в Сургутском уезде оклад у беглых остяков составлял 10 соболей [9, с. 84, 148]. В первой половине XVIII в. основной поток беглецов (якуты, тунгусы, долганы) зафиксирован уже из Якутского уезда. Не всегда эти переходы заканчивались благополучно, поскольку местные ясачные не хотели делиться промысловыми угодьями с пришельцами. В полевом дневнике Миллер сообщает: «В 1707 г. многие тунгусы дезертировали от Верховилюя на Нижнюю Тунгуску, откуда некоторые в 1711 г. вернулись обратно, а остальные подверглись враждебному нападению туруханских казаков и тунгусов и были перебиты, а женщины и дети обращены в рабство»¹⁶. И все же большинству перебежчиков удавалось закрепиться на новом месте, поскольку уездные власти были заинтересованы в увеличении числа ясачных и устанавливали для них льготные оклады, а иногда даже соглашались на уплату воль-

¹¹ РГАДА. Ф. 199. Портф. 481. Ч. 7. Л. 127.

¹² Там же. Л. 91 об.–96.

¹³ Там же. Л. 48.

¹⁴ Там же. Портф. 507. Ч. 2. Л. 136, 169 об.

¹⁵ Там же. Портф. 521. Ч. 1. Л. 285 об.

¹⁶ Там же. Портф. 507. Ч. 2. Л. 97 об.

ного неокладного ясака. Примером могут служить якуты и долганы на Хатанге, перешедшие сюда в начале XVIII в. и в 1731 г. соответственно: «Хантайские и мангазейские самоеды и якуты на Хатанге платят по одной голове, то есть по одному соболу или вместо него по 1 лисице, 1 волку, 1 росомaxe, 10 песцов, 20 горностаев, 100 белок. Долганы также положены в такой ясак, и они говорят, что в Якутском уезде ясак очень тяжелый и поэтому они убежали и им последовало бы еще гораздо больше людей, если бы они ушли, что ясак в Мангазейском уезде так легок»¹⁷. Для сравнения самым высоким был оклад новокрепленных остяков в Мангазейском уезде – 5 соболей для взрослых и до 4 для подростков, что служило причиной их жалоб как на размер ясака, так и на злоупотребления ясачных сборщиков. Енисейская провинциальная канцелярия в ответ на эти жалобы в 1728 г. передала волость Старо-Инбацкого зимовья в ведение Енисейского уезда и значительно снизила для ясачных этого зимовья оклады¹⁸.

Практика твердой оценки ясачной пушнины в деньгах приводила к тому, что в казну поступали преимущественно лишь шкурки невысокого качества, а стоимость ценных мехов при уплате ясака занижалась. Г.Ф. Миллер писал по этому поводу: «Обычай, по которому эквивалент соболям принимается также и в деньгах, причиняет большой ущерб государственной казне, так как реальная стоимость соболей и большинства других мехов всегда гораздо выше той цены, по которой они обычно принимаются в казну. А в случае с соболями особенно употребительно то, что даже если их цена составляет 10 или более рублей, они, тем не менее, считаются не более, чем по 1 рублю. Отсюда происходит то, что большая и лучшая часть мехов попадает в частные руки и к купцам, а государственная казна должна довольствоваться твердо установленным плохим эквивалентом» [2, с. 69]. К этому можно добавить, что так называемые «парные соболи» (две абсолютно одинаковые по размеру, окрасу и другим параметрам шкурки высочайшего качества) могли стоить на рынке многие десятки рублей. Несмотря на строжайшие запреты, ясачные сборщики нередко заменяли взятые в уплату ясака соболи высокого качества на менее ценные.

ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ ПРИ СБОРЕ ЯСАКА

Злоупотребления служилых при сборе ясака, как показывают источники, неуклонно возрастали с запада на восток Сибири. Этому, по нашему мнению, способствовали несколько причин. Главная из них – это удаленность уездов от губернских и провинциальных властей, осуществлявших контроль над уездными властями. Наиболее вопиющей была практика ясачного сбора на Камчатке, открытой во время похода отряда В.В. Атласова на полуостров в 1697–1699 гг. Для камчадалов (ительменов) ясачные окла-

ды были установлены только в начале XVIII в., и они были одними из самых низких в Сибири: 1 шкурка соболя, лисицы или бобра. Тем не менее ясачный гнет на Камчатке был, пожалуй, в Сибири самым тяжелым. С.П. Крашенинников, говоря о доходах камчатских казаков в предшествующее время (до начала 1730-х гг.), отмечает, что на втором месте после грабежей во время карательных походов (обычно под надуманным предлогом) стояли злоупотребления при сборе ясака: «От ясачного збору, при котором каждому рядовому казаку по несколько мяхкой рухляди доставалось на пай, ибо каждой камчадал кроме ясаку должен был дать им по четыре лисицы или соболя, одного зверя зборщику, другого подьячему, третьего толмачу, четвертого на рядовых казаков; а такие излишние поборы назывались у них чащинами, а в Якутске беляком»¹⁹ [4, с. 507].

Практику сбора ясака с ительменов детально описал и Г.В. Стеллер, наблюдения которого дополняют сведения Крашенинникова. Описав сбор ясака и «чещины», Стеллер добавляет: «Однако этим дело не ограничивалось: представляемые лисицы и соболя браковались под предлогом негодности для принятия их в казну, а четыре соболя превращались в восемь или, при случае, в десять» [5, с. 137]. Еще одним способом ограбления ительменов при сборе ясака было насильственное «дарение» какой-либо мелочи (золотник табака, нож и т.п.), за которые устанавливалась произвольная цена в соболях или лисицах. У тех, кто был не в состоянии вовремя расплатиться, долг возрастал и вместо 2 соболей ительмен был должен уже 10, 12 и более соболей. Тогда у должника отнимали и превращали в рабов жен, сыновей и дочерей: «У каждого казака было по меньшей мере 15–20 рабов, а у некоторых даже от 50 до 60» [5, с. 138]. Сбор ясака был весьма выгоден: ведь для того чтобы попасть в отряд, сопровождавший сборщика в качестве телохранителей, нужно было купить назначение на эту должность у приказчика за 40 соболей [5, с. 137].

О масштабах злоупотреблений на Камчатке свидетельствует такой факт: казачий пятидесятник, приказчик А. Петриловский прибыл на Камчатку в июле 1715 г. и уже на следующий год был смещен с должности взбунтовавшимися казаками. За это короткое время Петриловский сумел нажить колоссальное состояние, конфискованное служилыми и переданное в казну. Оно состояло из 30 соболей и лисьих шуб, 5 672 соболей, а также около 1 500 лисиц красных, 250 сиводушек, 300 бобров, 250 выдр и другого имущества²⁰. По оценке С.П. Крашенинникова, конфискованное у Петриловского по стоимости превосходило двухгодичный ясачный сбор со всей Камчатки [4, с. 490].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Рассмотренные материалы Второй Камчатской экспедиции позволяют сделать следующие выводы.

¹⁷ РГАДА. Ф. 199. Портф. 507. Ч. 2. Л. 309.

¹⁸ Там же. Портф. 521. Ч. 1. Л. 148.

¹⁹ Чащина (чещина), беляк, поминки – дар государю.

²⁰ РГАДА. Ф. 199. Портф. 507. Ч. 2. Л. 145–145 об.

На протяжении XVII – первой половины XVIII в. размеры ясачных окладов не были регламентированы центральными властями и определялись по усмотрению уездных властей. В каждом уезде вводились свои эквиваленты соболям в других мехах, причем различия в оценках стоимости этих мехов были очень существенными – нередко в 2–4 раза. Изменения размеров окладов в сторону их уменьшения объясняются не заботой о благополучии плательщиков, а переходом от обложения ясаком глав семей или родов к поголовному учету всех взрослых мужчин, способных заниматься пушным промыслом. Ясачные сборы в целом по волостям, улусам, землицам и ясачным зимовьям изменялись, как правило, вследствие уменьшения или увеличения ясачного населения. Во второй четверти XVIII в., как и прежде, размеры ясачных окладов определялись в соболях, что являлось анахронизмом, поскольку почти во всех сибирских уездах соболи составляли незначительную часть ясачных сборов, да и доля других мехов в ясаке неуклонно уменьшалась и преобладающей становится уплата ясака деньгами. Злоупотребления служилых при сборе ясака существовали по всей Сибири, но наиболее ярко они проявлялись в удаленных от уездных и провинциальных центров местностях, особенно на Северо-Востоке.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Элерт А.Х. Экспедиционные материалы Г.Ф. Миллера как источник по истории Сибири. Новосибирск, 1990. 246 с.
2. Сибирь XVIII в. в путевых описаниях Г.Ф. Миллера. Новосибирск, 2006. 310 с.
3. Миллер Г.Ф. Описание сибирских народов. М., 2009. 453 с.
4. Крашенинников С.П. Описание земли Камчатки. М.; Л., 1949. 841 с.
5. Стеллер Г.В. Описание земли Камчатки. Петропавловск-Камчатский, 1999. 287 с.
6. Дамешек Л.М. Ясачный режим в Сибири в XVII – начале XX века // Якутия – форпост освоения Северо-Востока Сибири, Дальнего Востока и Русской Америки (XVII – XX века). Якутск, 2004. С. 28–35.
7. Рубинштейн Т.Г. Материалы ясачного сбора о внутренней структуре якутского общества в XVII в. // Источники по истории общественного сознания и литературы периода феодализма. Новосибирск, 1991. С. 148–159.

8. Емельянов Н.Ф. Ясак и национальная политика царизма в феодальную эпоху по материалам Среднего Приобья // История, археология и этнография Сибири. Томск, 1979. С. 150–169.

9. Долгих Б.О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. / М., 1960. Т. 55. 623 с. (Тр. Ин-та этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. Нов. сер.; Т. LV.)

10. Элерт А.Х. Историко-географическое описание Томского уезда Г.Ф. Миллера (1734 г.) // Источники по истории Сибири досоветского периода. Новосибирск, 1988. С. 59–101.

11. Элерт А.Х. Новые материалы по истории русско-корякских отношений в первой четверти XVIII в. // Русское общество и литература позднего феодализма. Новосибирск, 1996. С. 247–265

REFERENCES

1. Elert A. Ch. Expedition materials of G. F. Müller as sources to study history of Siberia. Novosibirsk, 1990, 246 p. (In Russ.)
2. Elert A. Ch. Siberia of the XVIII century in the travelogue of G. F. Müller. Novosibirsk, 2006, 310 p. (In Russ.)
3. Müller G. F. Description of the Siberian peoples. Moscow, 2009. 453 p. (In Russ.)
4. Krashennnikov S. P. Description of the Land of Kamchatka. Moscow, Leningrad, 1949, 841 p. (In Russ.)
5. Steller G. W. Description of the Land of Kamchatka. Petropavlovsk-Kamchatsky, 1999, 287 p. (In Russ.)
6. Dameshek L. M. Yasak tribute in Siberia in the XVII – early XX centuries. Yakutiya – forpost osvoyeniya Severo-Vostoka Sibiri, Dal'nego Vostoka i Russkoy Ameriki (XVII–XX veka). Yakutsk, 2004, pp. 28–35. (In Russ.)
7. Rubinstein T. G. Materials of yasak tribute's collection on the internal structure of Yakut society in the XVII century. *Istochniki po istorii obshchestvennogo soznaniya i literaturny perioda feodalizma*. Novosibirsk, 1991, pp. 148–159. (In Russ.)
8. Emelyanov N. F. Yasak and the tsarist national policy in the feudal era based on the materials of the Middle Ob region. *Istoriya, arkhologiya i etnografiya Sibiri*. Tomsk, 1979, pp. 150–169. (In Russ.)
9. Dolgikh B. O. The clan and tribal structure of the Siberian people in the XVII century. Moscow, 1960, 623 p. (Proceedings of N. N. Miklukhino-Maklay Institute of Ethnography. New series; vol. 55). (In Russ.)
10. Elert A. Ch. Historical and geographical description of the Tomsk district by G. F. Müller (1734). *Istochniki po istorii Sibiri dosovetskogo perioda*. Novosibirsk, 1988, pp. 59–101. (In Russ.)
11. Elert A. Ch. New materials on the history of Russian-Koryak relations in the first quarter of the XVIII century. *Russkoe obshchestvo i literatura pozdnego feodalizma*. Novosibirsk, 1996, pp. 247–265. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 01.09.2020

Дата рецензирования 06.09.2020

Статья принята к публикации 12.10.2020